

А. О. Пеганов. Венгерский вопрос в межвоенной Чехословакии (1918 – 1939 гг.): внешнеполитический и внутреполитический аспекты. / Пеганов А. О. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.203–210.

А. О. ПЕГАНОВ

ВЕНГЕРСКИЙ ВОПРОС В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1918—1939 гг.): ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

По мнению президента Чехословацкой республики Эдварда Бенеша, 80 % внешнеполитических усилий МИД ЧСР между двумя мировыми войнами составляла борьба с попытками Венгрии изменить границы, сложившиеся после 1918 г. [1, s. 141]. Отношения Венгрии к своему северному соседу в межвоенный период были подвергнуты влиянию нескольких факторов. Определяющими среди них были неудовлетворенность Будапешта границами, утвержденными Трианонским миром 1920 г., и озабоченность положением венгерского населения, оказавшегося в ЧСР. Ревизия границ была «альфой и омегой» венгерской дипломатии, вплоть до фактического подтверждения Трианона в 1947 г. Существовали две основные концепции пересмотра границ: интегральная (отстаивающая восстановление исторических границ) и этническая (ориентированная на объединение всех мадьяр в составе Венгрии). Вопросы этнической принадлежности населения спорных земель и их политической ориентации были важнейшими элементами «ревизионистского дискурса».

Проблема интерпретации статистик и формирование границ Словакии и Подкарпатской Руси. Согласно переписи населения Венгерского королевства 1910 г., на территориях, отошедших к Чехословакии, Румынии и Королевству СХС, проживало более 3 млн мадьяр. Из них в Словакии и Подкарпатской Руси — около 1 млн. Чехословацкая перепись населения 1921 г. оценила количество венгров в республике в 750 тыс. По мнению Петер Салнера, официальные статистики как (Австро-)Венгрии, так и Чехословакии скорее отражали политическую конъюнктуру, нежели реальную этническую структуру населения [2, s. 19—21]. В межвоенный период данные переписей населения стали одним из решающих аргументов, обосновывавших «(не-)правильность» существующих границ. Петер Морвай, характеризуя разночтения чехословацких и венгерских статистик, сделал замечание, что в Центральной Европе «следует брать во внимание значительное количество людей с двойной, даже тройной идентичностью, и всегда в зависимости от внешних факторов та или другая (идентичность. — А. П.) могут перевешивать. У части населения наблюдается и изменение декларированной идентичности на основе прагматических соображений...» [3, s. 186—203].

Указывая на интенсивную мадьяризацию конца XIX — начала XX в., исследователи скептически относятся к данным венгерской переписи 1910 г. Показателем «национальности» венгерские статисты считали родной язык. Чехословацкие переписчики определяли «национальность» по самоидентификации. Репрезентативность и этих данных вызывает сомнение своей очевидной инструментализацией национальностей: чехи и словаки объединялись в группу «чехословаков», украинцы, русины и русские записывались как «русские». Большинство немецко- и венгероязычных иудеев было задекларировано как «евреи».

Евреи были новой статистической этнической группой, не исследуемой до 1918 г. как в западной, так и в восточной части республики (Чехия и Моравия были частью Австрийской

империи, Словакия и Подкарпатье — Венгерского королевства). Можно предположить, что в Праге поощрением «еврейства» рассчитывали уменьшить количество «переписанных» немцев и венгров. Если чешские и западнословацкие евреи быстро освоили «чехословацкость», то восточнословацкие и подкарпатские евреи были сильнее подвержены венгерскому влиянию [4, s. 140]. По мнению Ганы Кламковой, как и «Чехословакия», понятие «чехословацкие евреи» было конструктом, которому не хватало исторического предшественника [5, s. 693]. Будапештские политики обвиняли власти ЧСР в том, что венгры иудейского вероисповедания были вынуждены приписать себя как «евреи».

Принцип права на самоопределение для Словакии и Подкарпатской Руси аргументировали исходя из статистических данных. Стоит отметить, что до 1918 г. «Словакии» как территории с очерченными рубежами не существовало, и ее южные границы нуждались в обосновании. Согласно меморандумам, представленным Великим державам на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг., из 3 млн жителей будущей Словакии 2,5 млн составляли словаки. Кроме того, как утверждала пражская делегация, к ним следует прибавить еще 700 тыс. словаков, которые эмигрировали в США, поскольку

«большинство из них, после учреждения свободного чехословацкого государства, немедленно вернулось бы домой» [6, s. 162].

По предложению главы чехословацкой делегации в Париже Э. Бенеша граница между ЧСР и Венгрией должна была исходить из принципа «взаимности»: в двух странах должны проживать равновеликие меньшинства — сколько (чехо-)словаков окажется в Венгрии, столько венгров — в ЧСР. Бенеш утверждал, что предлагаемая граница создаст в республике 470-тысячную венгерскую общину и оставит в королевстве 483 тыс. словаков [7, s. 72—72].

Весьма сомнительные доводы Бенеша вызывали критику Будапешта. Венгерский интеллектуал Иштван Бибо, говоря о появлении Чехословакии, отмечал, что «построение нового государства базировалось на противоречивых предпосылках: чешские земли вошли в него согласно принципам исторического и этнического континуитета, немецкие территории на исторической основе, ни в коем случае этнической, Словакия исходя из этнического принципа, ни в коем случае исторического, а венгерские территории не имели к новому государству ни исторического, ни этнического отношения» [8, s. 180]. Среди венгерских ревизионистов Чехословакию называли «насмешкой над правом самоопределения народов» и обвиняли в использовании в Париже фальшивых статистических данных. Указывалось, что Прага не выполняет обязательства по охране национальных меньшинств, не предоставила автономии Подкарпатья, а Питтсбургское соглашение, гарантировавшее автономии Словакии и подписанное Т. Г. Масариком, в Чехословакии считается только «клочком бумаги» [9].

Важную роль в демаркации границ играли и стратегические доводы. Присоединение Прессбурга (с 1919 г. Братислава) с большинством венгерского и немецкого населения обеспечивало (Чехо-)Словакии выход к Дунаю. Включение Подкарпатья предотвратило бы связь Венгрии (где только что была подавлена Советская Республика) с Советской Россией. Нереализованным остался план создания «славянского коридора» из западно-венгерских и восточно-австрийских земель, который бы связывал ЧСР и КСХС и одновременно разделял бы Вену и Будапешт (план присоединения к Чехословакии Бургенланда) [6, s. 163].

Новые границы Венгрии сокращали ее площадь втрое, поэтому Будапешт всячески откладывал подписание мира, надеясь на изменение международной ситуации в свою пользу. 6 мая 1920 г. министр иностранных дел Франции Александр Мильеран подписал сопроводительное письмо к тексту мирного договора, где выражал согласие с возможными коррекциями границ локального характера. 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце в Версале договор был подписан [10, s. 92—93, 99].

Не исключали возможность ревизии границ и в Праге. 14—15 марта 1921 г. в Мосте-над-Литавой состоялась встреча министров иностранных дел ЧСР и Венгрии. Э. Бенеш предлагал в обмен на локальное изменение границ (на Житном острове и других придунайских

районах) предоставить автономии (чехо-)словакам Венгрии. Хотя «делка» так и не состоялась, отношения между двумя странами улучшились. Диппредставительства обеих стран были повышены с уровня «миссий» на «посольства» [10, s. 165—168].

Вскоре Будапешт попросил Прагу (совместно с Римом) сыграть роль посредника в территориальном споре с Веной. Венгры хотели посредничеством ЧСР и Италии скорректировать «несправедливую» границу с Австрией. После конференции в Венеции 11—13 октября 1921 г. отошедший согласно Трианонскому договору к Австрии Бургенланд был объявлен местом проведения плебисцита о самоопределении. Население восточно-бургенландского города Шопронь проголосовало за возвращение территории в состав Венгрии, чем снискало славу «самого лояльного города» [10, s. 203—206]. Таким образом, Прага оказалась одним из первых помощников Будапешта в осуществлении территориальной ревизии трианонских границ.

Границы, предложенные для ЧСР на Парижской конференции, априори предполагали наличие крупных национальных меньшинств. Частично они оправдывались обещанием Праги создать из республики «государство, в значительной степени напоминающее Швейцарию». Базовым документом, декларировавшим равные права чехов и словаков в общем государстве, было Питтсбургское соглашение 1918 г., по которому Словакии гарантировались три самостоятельные ветви власти (администрация, сейм и суды), а словацкому отводилась роль языка делопроизводства [11, s. 32]. Положение об автономии Подкарпатской Руси было включено в текст Сен-Жерменского мирного договора 1919 г.

В ноябре — декабре 1918 г. Милан Годжа, выполнявший роль посланника ЧСР в Будапеште, обещал, что при вхождении этнических венгерских районов современной южной Словакии в состав ЧСР этим землям будет предоставлена автономия. Но после того, как Антанта утвердила прелиминарную линию границы со значительным продвижением на юг, Годжа был отозван из Будапешта [12, s. 20—21]. До своего отъезда посланник успел пообещать автономия в составе ЧСР представителям «Республики

Сцепуsia», провозглашенной на территории этнически смешанной Спишской области Восточной Словакии [13, s. 110].

До тех пор, пока в Чехословакии существовала более чем трехмиллионная немецкая община, предоставление автономии различным народам грозило распадом республики. Не случайно пойти на федерализацию Чехословакии Прага согласилась только после снятия «немецкого вопроса». Национальная неоднородность республики была одним из доводов в необходимости проводить авторитарные и недемократичные меры органами власти. Например, избирательные округа для выборов в чехословацкий парламент формировались с ощутимым ущемлением нечешского населения республики. Так, на выборах 1925 г. в чешских районах на один депутатский мандат приходилось 41,1 тыс. жителей, в Словакии — 48,7 тыс., в Подкарпатской Руси — 64,2 тыс. Выборы 1935 г. еще более увеличили сложившуюся диспропорцию: в Чехии (без Моравии и Силезии) на 1 мандат приходилось 43,8 тыс. граждан, в Словакии — 53,3 тыс., в Подкарпатье — 78, 5 тыс. [14, s. 86—90]. Л. Грендель, характеризуя межвоенный режим в ЧСР, отмечал, что «масариково-бенешевская республика была своеобразной амальгамой демократии и национализма» [15, s. 100—101].

Положение венгерского меньшинства в межвоенной Чехословакии. Трианонский мир оставил вне Венгрии около 3 млн мадьяр, из них приблизительно треть оказалась в Чехословакии. На протяжении 1920 г. более 100 тыс. «венгров» покинуло ЧСР. Многие были вынуждены эмигрировать из-за отказа принести клятву верности новой республике [12, s. 21]. Отмечается, что в большинстве своем это были бывшие чиновники и жандармы, учителя, железнодорожные рабочие, аристократия.

«Голосование ногами» в Словакии и ПР создало «дефицит» образованного населения, способного к административной деятельности. Одной из причин интенсивного командирования чешских специалистов и чиновников в восточные части республики следует назвать отказ большей части мадьяризованной интеллигенции принять участие в построении нового

государства. Восполнение сложившегося «вакуума кадров» привело к увеличению чешского населения Словакии в десять раз за первые три года существования ЧСР (с 7 500 в 1918 г. до 71 000 в 1921 г.) [16, s. 184].

Одной из самых серьезных проблем, с которой столкнулись венгры в новом государстве, была невозможность многим из них получить гражданство ЧСР. Исследователи оценивают число венгров-неграждан в первые годы существования республики в 45 000 чел. [12, s. 21]. Британский историк Р. В. Сетон-Ватсон называл ситуацию с лицами без гражданства в ЧСР «вопиющим скандалом»: апатриды не могли покидать территорию республики (если не были депортированы), были ограничены в трудоустройстве, не принимали участия в выборах.

Согласно чехословацкому закону 1923 г. наделение гражданством зависело от решения администрации соответствующего населенного пункта. Сетон-Ватсон отмечает, что в отличие от словаков, которые с легкостью получали новое гражданство, венгры столкнулись с рядом проблем («будет лишним объяснять, какое оружие в руки чиновников дала новая интерпретация [закона. — А. П.]» — писал знаменитый историк). В 1926 г. был принят т. н. «Lex Dmeg», упрощавший процедуру получения чехословацкого гражданства. К 1928 г. Сетон-Ватсон оценивал количество венгерских апатридов в 20—30 тыс. чел. С этой проблемой был тесно связан вопрос получения пенсий — многим бывшим госслужащим было отказано в получении пенсий [17, s. 55—57]. Кроме венгров, в состоянии «гражданской смерти» пребывала и значительная часть еврейского населения Подкарпатья. В основном это были потомки переселенцев из Галиции, которые до 1918 г. не обладали также и венгерским гражданством[^], s. 146—47]. По сведениям министра иностранных дел Венгрии К. Каня, количество венгров без гражданства в ЧСР осенью 1937 г. составляло 80 тыс. чел. [19, s. 60—63]. Ввиду «нелояльности к республике» венгерского населения, в рамках аграрной реформы в южную Словакию направлялись на поселение чешские и словацкие колонисты. Многие переселенцы были бывшими легионерами и несли службу в качестве пограничников [20, s. 298—308].

«Февральская» конституция ЧСР 1920 г. гарантировала реализацию прав национальных меньшинств в тех районах, где их численность превышала 20 % населения. Петер Хунчик утверждает, что для того, чтобы уменьшить количество районов, где венгры могли пользоваться правом использования родного языка, прежнее административное деление Словакии было изменено. В силу того что большинство венгров проживало в южных районах, новые окресы были меридиально «вытянуты». Новая административная геометрия привела к тому, что в братиславском, кошицком, нитранском и римавском округах официальное употребление венгерского было запрещено.

Также с 1920 по 1925 г. существовала явная диспропорция и в количестве необходимых голосов для избрания депутата в парламент ЧСР между «словацкими» и «венгерскими» избирательными округами в Словакии. На юге и востоке страны кандидат должен был получить на 40 % больше голосов,

чем в остальной части. Отметим, что население южной Словакии должно было платить более высокие налоги, нежели в северной Словакии, тем более в Праге (к востоку от р. Моравы налог с прибыли составлял 10 %, в Чехии — 4 %) [12, s. 21].

Отдельно надо обозначить проблему получения образования на венгерском языке. В ЧСР согласно закону о родном языке от 3 апреля 1919 г. в каждом населенном пункте, где проживало более 40 детей, чьи родители желали, чтобы их дети обучались на родном языке, должны были открыть такую школу. Тем не менее на территории Словакии этот закон так и не вступил в силу. Вопросом сохранения или открытия венгерских школ занималось Отделение школьного и национального просвещения полномочного Министерства Словакии. Незаинтересованность пражского правительства в поддержании венгерской структуры образования привело к тому, что из 727 народных венгерских школ только 75 были государственными. Остальные 600 были школами при церквях. Из 18 городских школ с венгерским языком обучения 6 были государственными, остальные — церковными. Венгерский был убран из

6 высших учебных заведений, открытых на территории Словакии, где до «переворота» он был языком обучения. После закрытия венгерских университетов большая часть их студентов перебралась в немецкие университеты Праги и Брно [21, s. 199—200].

Первая деструкция Чехословакии и чехословацко-венгерских отношений. На протяжении 1937—1938 гг. Венгрия вела безуспешные переговоры с Малой Антантой, пытаясь добиться улучшения положения венгерских диаспор. Исходным вопросом переговоров стояла отмена клаузулы Трианонского мира, ограничивающей Венгрию в вооружении. Малая Антанта была готова признать право венгров на милитаризацию в случае подписания пактов о ненападении. К. Каня — возглавлявший венгерский МИД — считал возможным такое соглашение только в случае предоставления гарантии соблюдения прав мадьяр Румынией, Югославией и Чехословакией. В свою очередь, Прага была готова на декларацию об охране венгерского меньшинства только на основе принципа взаимности: то есть Будапешт должен был предоставить аналогичные права национальным меньшинствам, проживавшим в Венгрии. Однако в Венгрии опасались расширять права немадьяр.

Ухудшение чехословацко-германских отношений после 1933 г. давало надежды Будапешту на параллельное с немецким решение венгерского вопроса. К. Каня предупреждал чехословацкого посланника в Будапеште М. Кобра, что в случае затягивания переговоров Венгрия будет развивать более тесное сотрудничество с Германией. «Вы хотите, — прямо спрашивал Каня посланника в феврале 1938 г., — чтобы мы бросились в объятия Третьего Рейха?» [22]. Однако «гитлеровским жупелом» пытались пользоваться и чехословацкие дипломаты и обращали внимание своих задунайских коллег, что немецкий экспансионизм угрожает в большей мере Венгрии и «чехословацкий народ» в худшем случае сможет прожить несколько веков и в германском «желудке» [23, s. 126—127].

После присоединения Германией Австрии (11—13 марта 1938 г.) Малая Антанта выставила новые требования Будапешту для заключения пакта о нормализации отношений. Среди них значились ликвидация Арбитражных судов, занимавшихся жалобами национальных меньшинств, и отмена параграфа Трианона о неукреплении предместья Братиславы. Было очевидно, что автором новых требований была Прага. Однако Каня соглашался продолжать переговоры только о предоставлении гарантий ненападения в обмен на соблюдение прав меньшинств [24]. Изменение тона чехословацких предложений Будапешту после аншлуса позволяет предположить, что в Праге считали, будто выход Германии на венгерские границы сделает Будапешт более уступчивым. Казалось логичным, что «переориентирование» Чехословакии на Германию будет более выгодно Берлину, нежели ее раздел между соседями.

Между тем начавшееся весной 1938 г. в ЧСР противостояние между Судетонемецкой партией и правительством дало надежду сторонникам ревизии ожидать в скором времени распада республики или таких изменений, которые способствовали бы изменению трианонских границ. М. Кобр предполагал, что, стремясь отвлечь венгерское население от набиравшей популярность программы «социальных требований», лидера местного национал-социалистического движения Ф. Салаша, правительство и лидеры оппозиции будут все больше разыгрывать ревизионистскую «карту» [25]. Каня предлагал требовать для венгров права, которые Прага собиралась предоставить судетским немцам. Примечательно, что лидеры парламентской оппозиции Т. Экхардт и И. Бетлен, кроме Чехословакии, предлагали добиваться территориальных уступок и у Третьего Рейха — ставшего хозяином Бургенланда [26].

Получив информацию о готовящихся в Чехословакии национальных реформах, Будапешт предложил заключить договор о ненападении с ЧСР после их проведения [27, s. 363]. В целом требования Венгрии к отдельным членам Малой Антанты были различны: в отношении Румынии

Будапешт удовлетворяло создание министерства меньшинств, а к Югославии у Кая не было претензий [28, s. 121—122].

Под давлением Великобритании и Италии Малая Антанта и Венгрия все же решились на подписание договоров о равноправии в вооружении и о ненападении. Подписание прошло 20—22 августа 1938 г. в Блде (Румыния) на встрече Постоянного Совета Малой Антанты. Также Будапешт подписал декларации о меньшинствах с Белградом и Бухарестом. От Праги Венгрия по-прежнему ждала разрабатываемого статута для меньшинств [28, s. 171—172]. Договор о ненападении должен был вступить в силу между ЧСР и Венгрией после подписания декларации о меньшинствах. Тем не менее Крофта указывал, что «мы никогда не допустим, чтобы Венгрия вела с нами переговоры о решении у нас венгерского вопроса», что означало, что Бледские договоренности так и не приобретут правомочность [28, s. 180—189].

Сентябрьское обострение «судетского кризиса» повлияло на рост требований Венгрии. Как и Берлин, Будапешт настаивал на соблюдении принципа самоопределения народов и потребовал провести плебисцит о государственной принадлежности среди венгров, словаков и русин. На встрече глав правительств Великобритании, Франции, Италии и Германии в Мюнхене 29 сентября 1938 г. было решено в обмен на передачу населенных немцами Судет Германии предоставить гарантии границ ЧСР. Вместе с тем Прага обязывалась в течение трех месяцев подписать соглашение с Будапештом о мерах решения «венгерского вопроса». В случае если такое соглашение не будет выработано, договор предусматривал арбитражное решение четырех Великих держав [11, s. 265—267]. 30 сентября Прага согласилась с решением баварского саммита.

Пытаясь заручиться поддержкой автономистских словацких и подкарпатских партий с одной стороны и обосновать ненужность проведения плебисцита о самоопределении с другой, пражское правительство согласилось на предоставление автономии Словакии и Подкарпатья. В порту г. Комарно с 9 по 13 октября 1938 г. состоялись переговоры между чехословацкой и венгерской делегациями. Венгры настаивали на передаче территорий, где, по переписи 1910 г., большинство населения составляли мадьяры (в том числе города: Братислава, Кошице, Ужгород и Мукачево), а на остальной территории Словакии и Подкарпатья провести плебисцит. Чехословаки, возглавляемые председателем только что сформированного братиславского автономного правительства Й. Тисо, отказывались принять такие условия. Среди прочих аргументов Й. Тисо указывал и «доводы престижа» — согласиться с передачей словацких земель ему как «первому словацкому премьеру» и тем более «сразу» было невозможно. Первоначально чехословацкая сторона предлагала в качестве решения либо предоставление автономии венграм, либо обмен населением между ЧСР и Венгрией. Позже Тисо согласился и с территориальной уступкой, но Кая, решив, что ЧСР попросту «тянет время», покинул Комарно вместе с венгерской делегацией. Через неделю Прага предложила Будапешту 9 600 км², где проживало более 720 тыс. чел. [29, s. 72—126, 126, 166—167].

Вскоре между Прагой и Будапештом было достигнуто согласие обратиться за третейским решением к Германии и Италии. 2 ноября 1938 г. в Вене министры иностранных дел И. Риббентроп и Г. Чиано обязали ЧСР передать Венгрии около 12 400 км², где проживало около 1 млн чел. «Спорные» города были поделены: Братислава и Нитра — остались в составе ЧСР, Кошице, Ужгород и Мукачево — были переданы Венгрии.

На арбитражных территориях новая администрация сразу же приступила к выселению населения, осевшего после 1918 г. В основном это были чехословацкие чиновники, учителя, колонисты. Пытаясь воздействовать на политику Будапешта, чехословацкие власти начали преследование оставшихся в республике венгров. Взаимная неуступчивость не позволяла быстро решить вопрос делимитации новой границы. Только 7 марта 1939 г. был подписан протокол об определении словацко-венгерской границы. После провозглашения независимости Словакии 14 марта 1938 г. и, таким образом, де-факто распада ЧСР венгерские войска заняли Подкарпатья и небольшой участок восточной Словакии.

Заключение. Принятое в конце ВМВ решение восстановить северную трианонскую границу Венгрии, как и реконструкция ЧСР, вновь поставило на повестку дня «венгерский вопрос в Чехословакии». Прага, выдвинув лозунг построения «национального государства», предприняла ряд жестких мер, чтобы избавиться от немецкого и венгерского меньшинств. В течение трех послевоенных лет венгерское население ЧСР было лишено гражданства, права собственности. Было запрещено публичное употребление венгерского языка. Ликвидированы венгерские школы и общественные организации. 70 тыс. венгров было депортировано из Словакии в Венгрию. Еще 45 тыс. было перевезено

в Судеты, опустевшие после выселения немцев [30, s. 208—209]. В 1950 г. во время очередной переписи населения только 350 тыс. чел. в Словакии назвались венграми, хотя через десять лет, когда «ресловакизация» была приостановлена, венгров было зафиксировано уже 518 тыс. [31, s. 117]. В какой-то степени ограничение прав венгров при Первой республике (1918—1938 гг.) можно назвать «генеральной репетицией» тотального шельмования и изгнания венгров в Третьей республике (1945—1948 гг.). В данный период государство по отношению к немцам и венграм всего лишь более масштабно использовало методы, опробованные еще в межвоенные годы — выселение, лишение гражданских и имущественных прав, амнистия правонарушений, совершенных над этническими меньшинствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bystricky, V.* Eduard Beneš a Slovensko (1918—1938) / Valerian Bystricky // *Od autonómie k vyniku Slovenskeho statu. Vyber zo štúdií.* Bratislava : Prodama, 2008. S. 138—152
2. *Salner, P.* Taka bola Bratislava / Peter Salner a kol. Bratislava : VEDA. 1991. 199 s.
3. *Morvay, P.* Menšiny v Maďarsku a maďarska menšinová politika od roku 1918 do súčasnosti / Peter Morvay // *Etnické menšiny Strednej Európe: konflikt alebo integrácia.* Ivan Galal a kolektív. Praha : G plus G, 1999. S. 186—203.
4. *Jelinek, J. A.* Davidova hviezda pod Tatrami. Zidia na Slovensku 20. storočí / Ješajaha Andrej Jelinek. Praha : vydavateľstvo Jana Mlynarika, 2009. 491 s.
5. *Klamková, H.* Všeobecnosť antisemitizmu a jedinečnosť holokaustu: príklad Slovenska / Hana Klamková // *Historický časopis. Ročník 57, č. 4.* Bratislava : Slovak Academic press, 2009. S. 679—702.
6. *Klimko, J.* Politické a právne dejiny hraníc predmnichovskej republiky (1918—1938) / Jozef Klimko. Bratislava : Veda, 1986. 180 s.
7. *Szarka, Ldszlii.* Ochrana menšín, reciprocita, revize (pokusy o dohodu medzi Maďarskom a Československom o národnostní otázce v letech 1918—1938) / Laszlu Szarka // *Nepokojná desaťročia: 1918—1945 (Studie a dokumenty z dejín československo-maďarských vzťahov, medzi dvoma svetovými vojnami)* / redaktor E. Irmanová. Praha : CSAV, 1988. S. 71—93.
8. *Bibil, I.* Bida malých národov východnej Európy. Vybrané spisy / Istvan Bibu. Bratislava : Kalligram, 1997. 614 s.
9. Приложение 1 к рапорту М. Кобра о манифестации венгерской ревизионистской лиги 24 апреля 1938 г. // *Archív ministerstva zahraničných vecí Českej republiky. F. Budapešť 1938 (dupl.) 1939.*
10. *Michela, M.* Pod heslom integrity. Slovenska otázka v politike Maďarska: 1918—1921 / Miroslav Michela. Bratislava : Kalligram, 2009. 272 s.
11. *Gronsky, J.* Komentované dokumenty k ústavným dejinám Československa. D. I.: 1914—1945 / Jan Gronsky. Praha : Karolinum, 2005. 584 s.
12. *Hunčík, P.* Historické pozadie formovania slovensko-maďarských vzťahov / P. Hunčík, F. Gal // Frič, P. Maďarska menšina na Slovensku / P. Frič, F. Gal, P. Hunčík, C. Lord. Praha : EGEM, 1993. S. 18—28.
13. *Bobrik, M.* Nemci na Slovensku a slovenska stážka počas a po skončení prvej svetovej vojny (1916—1919) / Miroslav Bobrik // *První světová válka a vztahy mezi Čechy, Slovaky a Němci.* Brno : Matica Moravská, 2000. S. 105—112.
14. *Zemko, M.* Volebný zákon do Poslaneckej snemovny Národného zhromaždenia za prvej Československej republiky a strany národnostných menšín / Milan Zemko // *Historický časopis. Ročník 56, číslo 1.* 2008. S. 81—92.

15. *Grendel, L.* Moja vlasť Absurdistan. Vyber z esejí a publicistiky / Lajos Grendel. Bratislava : Kalligram, 1998. 227 s.
16. *Bystricky, V.* Vystahovanie českých státnych zamestnancov zo Slovenska v rokoch 1938—1939 / Valerian Bystricky // *Od autonómie k vyniku Slovenskeho statu. Vyber zo štúdií.* Bratislava : Prodama, 2008. S. 184—197.
17. *Seton-Watson, R. W.* Slovensko: kedysi a teraz. Politický prehľad / R. W. Seton-Watson. Praha : Orbis, 1931. 361 s.
18. *Jelinek, Y. A.* Maďari a Zidia na Podkarpatskej Rusi v dobe druhej svetovej vojny / Yesyahay A. Jelinek // *Zidovská menšina za druhej republiky / uspořádali Miloš Pojar, Blanka Soukupová, Marie Zahradníková.* Praha : Židovské muzeum, 2007. S. 146—154.
19. Československá zahraniční politika v roce 1937. Svazek II (1. srpen — 31. červen 1937). Praha : Ústav mezinárodních vztahů : Karolinum, 2008. 656 s.
20. *Attila, S. K.* Niektorým aspektom kolonizácie južného Slovenska v období prvej republiky / Simon Attila // *Historický časopis. Ročník 55, číslo 2.* Bratislava : Historický Ústav Slovenskej Akadémie Vied, 2007. S. 298—308.
21. *Ldszlii, B.* Maďarské národnostné školstvo / Bela Laszlu // *Maďari na Slovensku (1989—2004): súhrn správa. Od zmeny režimu po vstup do Európskej únie / editori Jozef Fazekas, Peter Hunčík. Prelož. S. Kecskemethyová, P. Kovač. Samorin : Forum inštitút pre výskum menšín, 2008. S. 199—266.*
22. Запись разговора М. Кобра с К. Каня о встрече А. Гитлера и Шушница 12 февраля 1938 г. // *Archív ministerstva zahraničných vecí Českej republiky. F. Budapešť 1938 (dupl.) 1939.*
23. *Krajčovic, M.* Medzinárodné súvislosti slovenskej otázky 1927/1936 — 1940/1944: maďarské dokumenty v porovnaní s dokumentmi v Bonne, Bukurešti, Viedni a Prahe / Milan Krajčovič. Bratislava : SAP, 2008. 439 s.
24. Рапорт М. Кобра о распространении античехословацких листовок и разговоре с Бешеньи 5 апреля 1938 г. // *Archív ministerstva zahraničných vecí Českej republiky. F. Budapešť 1938 (dupl.) 1939.*
25. Рапорт М. Кобра о недружественных выступлениях Чехословакии и о точке зрения польского посланника в Будапеште. 21 апреля 1938 г. // *Archív ministerstva zahraničných vecí Českej republiky. F. Budapešť 1938 (1991 dupl.) 1939.*

26. Папорт М. Кобра о заседании двух палат венгерского парламента и экспозе Каня. 24 марта 1938 г. // Archiv ministerstva zahraničních vecí Ceske republiky. F. Budapest 1938 (dupl.) 1939.
27. Československa zahraniční politika v roce 1938. Svazek I (1. leden — 30. červen 1938). Praha : Ustav mezinarodnich vztahu : Karolinum, 2000. 592 s.
28. Československa zahraniční politika v roce 1938. Svazek II (1. červenec — 5. říjen 1938). Praha : Ustav mezinarodnich vztahu : Karolinum, 2001. 672 s.
29. *Dedk, L.* Viedenska arbitraž. 2. november 1938. Dokumenty I (20. september — 2. november 1938) / Ladislav Deak. Martin : Matica Slovenska, 2002. 256 s.
30. *Hunčík, P.* Madarska mensina ve Slovenskej republice / Peter Hunčík // Etnicke mensiny Středni Evropy: konflikt nebo integrace / Ivan Gabal a kolektiv. Praha : G plus G, 1999. S. 204—218.
31. *Liszka, J.* Narodopis Madarov na Slovensku / Jozef Liszka. Komarno; Dunajska Streda : Lilium Aurum, 2003. 496 s.

SUMMARY

The Hungarian question in interwar CSR has been closely connected with the aspiration to maintain the border established by the Treaty of Trianon 1920 and to constrain the Hungarian revisionism. The Hungarian population of the Republic was considered by many as «disloyal» and consequently, it has actually been deprived of some of its civil rights. Respecting the ethnical limits was one of the main principles for the demarcation of the Czechoslovak-Hungarian border in 1918—1920. Obviously, this same principle became the major argument to justify the borders' revision. With the weakening of Prague on the world scene in 1938, Budapest managed to achieve the changing of the Czechoslovak-Hungarian border thanks to this «ethnicity» principle. After WWII, the Prague government attempted to homogenize the Republic and to get rid of national minorities, including Hungarians.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2009 г